

III.

ЖЕЛАНІЕ СЛАВЫ.

Когда, любовію нѣгой упоенный,
 Безмолвно предъ шобой коленнопрклоненный,
 Я на себя глядѣль и думалъ: шы моя;
 Ты знаешь, милая, желалъ ли славы я;
 Ты знаешь: удалень опъ въшреннаго свѣша,
 Скучая суешнымъ прозваніемъ поэта,
 Усшавъ опъ долгихъ бурь, я вовсе не внималъ
 Жужжанью дальному упрековъ и похвалъ.
 Могли ль меня молвы шревожипш приговоры,
 Когда, склонивъ ко мнѣ шомишельные взоры
 И руку на главу мнѣ шихо наложивъ,
 Шепшала шы: скажи, шы любишь, шы сшасшлливъ?

Другую, какъ меня, скажи, любишь не будешь?
Ты никогда, мой другъ, меня не позабудешь?
А я сѣсенное молчаніе хранилъ,
Я наслажденіемъ весь полонъ былъ, я мнилъ,
Что нѣтъ грядущаго, что грозный день разлуки
Не придетъ никогда... И что же? Слезы, муки,
Измѣны, клевета, все на главу мою
Обрушилося вдругъ... Что я, гдѣ я? Спою,
Какъ пушникъ, молніей поспигнутый въ пусынь,
И все передо мной зашмилося! И нынѣ
Я новымъ для меня желаніемъ помимъ:
Желаю славы я, чшобъ именемъ моимъ
Твой слухъ былъ пораженъ всечасно, чшобъ пы мною
Окружена была, чшобъ громкою молвою
Все, все вокругъ себя звучало обо мнѣ,
Чшобъ, гласу вѣрному внимая въ шипинѣ,
Ты помнила мои послѣднія моленья
Въ саду, во шмѣ ночной, въ минушу разлученья.